

Лев Рубинштейн

АЗБУКА
ЕДЕТ
по
РОССИИ

Издательство

«Детская

литература»

Лев Рубинштейн
Азбука едет по России (сборник)

Издательство «Детская литература»

1946, 1967

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рубинштейн Л. В.

Азбука едет по России (сборник) / Л. В. Рубинштейн —
Издательство «Детская литература», 1946, 1967

ISBN 978-5-08-005750-2

В книгу входят две повести из российской истории. В повести «Дедушка русского флота» рассказывается о любознательном юноше, будущем царе и строителе военно-морского флота России Петре I, отыскавшем в «сухопутной» Москве старый ботик и впервые поплавшем на этой незатейливой лодочке по реке Яузе. Повесть «Азбука едет по России» посвящена истории создания русской гражданской азбуки, которая и сегодня служит нам для письма, чтения и печатания книг. По воле случая герой повести, белорусский мальчик Алесь, едет от Москвы до Полтавы, и его глазами читатель видит картины тогдашней жизни. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005750-2

© Рубинштейн Л. В., 1946, 1967
© Издательство «Детская
литература», 1946, 1967

Содержание

Дедушка русского флота	6
1. Дела сухопутные	6
2. Дела речные	12
3. Дела озёрные	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лев Рубинштейн

Азбука едет по России (сборник)

© Рубинштейн Л. В., наследники, 1946, 1967

© Винокур В. И., наследники, рисунки, 1966, 1967

© АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *

Дедушка русского флота

1. Дела сухопутные

На восточной окраине Москвы, за Сокольниками, у Матросского моста, тянется вдоль речки Яузы длинная набережная.

Невдалеке от неё, на оживлённой улице Стромынке, шумят машины, гремят трамваи. Но здесь, на набережной, движение небольшое. Тихая Яуза почти незаметно несёт свои медлительные воды к Москве-реке.

Эта набережная называется Потешной¹.

Более трёх столетий назад на этом месте стояла игрушечная крепость Пресбург.

Крепость была сделана как самая настоящая крепость. Только размером она была маленькая, и всё в ней было маленькое: неглубокие рвы, некрутые валы, невысокие стены. Над крепостью реял маленький флаг. В этой крепости молодые солдаты, пятнадцати – девятнадцати лет, вели друг с другом ненастоящую войну.

В крепости, возле небольших башен, у подъёмного моста, стояли пушечки, которые стреляли порохом и бумажными снарядами. Густой дым поднимался вверх, к флагу, который защитники ни за что не хотели спускать. Потом начался штурм, и осаждавшие, вооружённые деревянными пиками, бросились на стены и после ожесточённого боя ворвались в крепость.

Их вёл рослый юноша в узком зелёном кафтане. Он был обут в высокие, выше колен, сапоги. В руках у него была игрушечная шпага. Свою треугольную шляпу он потерял в пылу

¹ С 1976 г. это набережная Ганнушкина.

боя. Его длинные тёмные волосы развевались по ветру. «За мной, молодцы!» – кричал он, прыгая на вал, за которым стояли защитники крепости.

Наконец крепость была взята. Победители и побеждённые выстроились на площади и прошли маршем мимо командующего – долговязого человека в затейливой шляпе с пером. Били барабаны, трубили трубы. Солдаты пиками салютовали командующему. После парада он обнял юношу, который вёл солдат на штурм, и сказал:

– Поздравляю, Пётр Михайлов, крепость лихо взяли!

Село на берегу Яузы, в котором происходила эта война, называется теперь Преображенским Валом города Москвы. А тогда это было царское село Преображенское. Москва виднелась вдалеке, километрах в четырёх. Это был деревянный город с крутыми крышами, со множеством белых стен, башен, садов. Над Москвой поднимался высокий Кремль, и ветер доносил оттуда перезвон колоколов. А в Преображенском пели петухи, гудели на Яузе водяные мельницы. Ветер шумел густой листвой в яблонях, над пасекой, над огородами, скотным и соколиным дворами, над затейливой узорной крышей деревянного царского дворца.

Утро в Преображенском начиналось с трубного сигнала и барабанной дроби. По улицам, поднимая высокие столбы пыли, маршировали солдаты в зелёных мундирах, с белыми и красными портупеями².

Проходя мимо Капитанского дворца, который стоял отдельно, неподалёку от царского, они поднимали вверх пики и ружья. На крыльцо выходил генерал в шляпе с пером.

Среди сержантов в строю стоял и Пётр Михайлов, в треугольной шляпе, с саблей наголо. Затем начинался развод караулов.

Как-то утром на извилистой дороге за клубилась пыль. Из Москвы ехал длинный поезд – рысью скакали всадники в ярких кафтанах, жёлтых и красных, шитых золотом.

В центре группы всадников, тяжело переваливаясь, ехала по ухабам огромная золочёная карета. Карета была вся расцвечена узорами в виде листьев, на крыше сверкали четыре золотых шара, из них торчали метёлки разноцветных перьев. Три пары откормленных коней везли эту блистающую карету. На передней лошади сидел всадник и непрерывно свистел.

Уже издали было слышно, что едет не какой-нибудь простой человек, а важный боярин.

На заставе возле Преображенского карету неожиданно остановили. Два солдата, скрестив пики перед всадниками, спросили, кто, куда едет и пропуск.

– Ума рехнулись! – закричал один из всадников. – Не видите, что ли? Едет знатный боярин Троекуров к государыне царице Наталье Кирилловне! Какой ещё вам пропуск?

– Браниться не велено, – ответил караульный, – а без пропуска не пустим.

На шум перебранки подошёл «капитан» – загорелый мальчишка лет шестнадцати, в треуголке, лихо надетой набекрень.

В эту минуту дверца кареты приоткрылась, и показалась огромная боярская борода. Белая рука, унизанная кольцами, неторопливо её поглаживала.

– Без пропуска нельзя, – упрямо сказал капитан. – Таков генеральский указ.

– Федька, – прогудел боярин густым басом, – побойся ты Бога, родного отца не узнал! Погоди, уж я до тебя доберусь! Я те покажу с конюховыми детьми в игрушки играть!

Молодой капитан, однако, не смутился.

– Ничего не знаю, – сказал он. – Отец ли, чужой ли человек, а только для проезда на полковой двор надобен пропуск, по-другому называется пароль. А кто того пароля не знает, велено тащить в съезжую избу³, и пушай господин генерал сам разберётся. А мы караул, у нас указ есть.

– Меня, боярина Троекурова, в съезжую избу? Видать, у тебя, парень, в голове шумит. Не поеду!

Капитан нахмурился:

– Как знаете, а только пустить не могу.

– Отца-то родного! Срам! Навеки срам перед людьми!

– Ежели кто будет шуметь или браниться, – сказал капитан, – то указано бить в барабан и всё войско поднимать к ружью.

Боярин зажал бороду в кулак и минуты две разглядывал своего сына.

– Новомодные обычаи: кафтан до колен, рукава до ладоней, на голове гнездо воронье! Раздели боярского сына!

– У нас таких слов не любят, – спокойно ответил капитан. – Мы государево войско, а кому не нравится, милости просим – до Москвы три версты⁴.

– Охальник! – рявкнул боярин. – Погоди уж, доберусь до спины твоей! Вези отца родного на съезжую! Согласен!

² Портупея – перевязь для ношения холодного оружия.

³ Съезжая изба – административная канцелярия, в которую приводили в чём-либо провинившихся людей.

⁴ Верста – мера путевой длины, равная 1,067 км.

Капитан сделал знак караулу, и карета своротила направо, по Генеральской улице, в конце которой возвышался деревянный дом с башенкой. Над башней трепетало большое знамя.

Это и была съезжая изба, штаб петровского потешного войска⁵.

Боярина отпустили не скоро. Его спросили, к кому и за каким делом едет и надолго ли. Солнце поднялось уже высоко над Яузой, когда Троекурова ввели в комнаты царицы Натальи. Царица показалась из маленькой двери, и все поклонились ей в пояс.

Боярин сразу принёс жалобу, что его-де, родовитого боярина, потащили в съезжую избу, на допрос, и кто же? Не кто иной, как собственный сын! И что он, боярин, просит непокорного сына отпустить из полка к нему, родителю, на исправление, чтобы сын и вовсе не отбил от родительской власти.

Царица Наталья, нестарая ещё женщина, с большими, вечно испуганными глазами на бледном лице, вздохнула и потупилась.

– Проси его царское величество, – сказала она тихо. – Царю Петру всего шестнадцать годков, а уж он и сам-то от родительской власти отошёл. Видишь, у нас вся жизнь по пушке да по барабану. Мы, матери, тут не хозяйки. Того и гляди, в воинской потехе шею свернёт или в Язу свалится. Разве за ним уследишь?

Но боярин не мог успокоиться. Он перечислял все свои заслуги, возмущался новыми порядками, ругал пушечную забаву и фейерверки, которыми честным людям бороды палят, бранил зелёные мундиры, треугольные шляпы и короткие рукава.

Он требовал, чтоб сынка вернули к обычной, спокойной жизни, как исстари повелось: чтоб мальчик сидел взаперти, под родительским наблюдением, свято соблюдал посты и праздники и женился вскоре на той девице, которую ему родители подберут. Да и пора его женить – уж ему шестнадцать лет! Статочное ли дело, чтоб такой взрослый парень в военные игрушки играл с солдатами, набранными из простого народа, из детей конюхов и слуг?

Тут дверь раскрылась, и в комнату широкими шагами вошёл бомбардир⁶ Пётр Михайлов, очень высокий худошавый юноша с блестящими чёрными глазами. Это был тот самый юноша, которого мы видели при штурме игрушечной крепости Пресбург. Все находившиеся в комнате поклонились ему в пояс.

– Что, боярин, – сказал Пётр, – не нравится тебе моё хозяйство?

– Помилуй, государь... – пробормотал боярин, не зная, что ответить.

Это был царь. Только он поступил на военную службу простым пушкарём, под именем Петра Михайлова. Ему тогда было шестнадцать лет, и больше он из армии не уходил до самой смерти и дослужился до генеральского и адмиральского званий. Так вот, Петру не понравились боярские речи, но он не стал вздорить с боярином, который был старым другом его матери.

Пётр усмехнулся и, прищулив глаза, поглядел на длинную бороду Троекурова.

– Слышал я твою просьбу, – сказал он. – Изволь, возьми своего сына. Посади его в курятник и расти с курами. Только сам-то он, чай, не большой охотник ехать с тобой в родительский дом?

– Государь, власть родительская от Бога, – ответил боярин, – и не моего Федьку о том спрашивать. А что до...

Но Пётр его не дослушал. Обернувшись к матери, он объявил, что генерал приказал выехать в соседнее поле и производить на нём пушечную стрельбу и чтоб мать велела своим людям сидеть смиренно и не пугаться великого пушечного грома.

Мать вздохнула и ничего не ответила. Пётр поклонился ей и, меряя ковры своими длинными худыми ногами, вышел за дверь.

⁵ Потешное войско – войско, состоявшее из детей, сверстников Петра I, и служившее для военной игры.

⁶ Бомбардир – звание нижнего чина в артиллерии петровской армии, соответствовавшее ефрейтору в пехоте.

Он направился в Капитанский дворец и возле крыльца встретил капитана, Федю Троекурова, который вел свой караул на смену.

– Фёдор, – сказал царь, – приехал за тобой отец. Не нравятся ему наши дела. Хочет он тебя забрать из полка и посадить в терем с няньками, чтобы ты ел, спал и звёзды считал, пока тебя не женят. Нравится тебе такая жизнь?

– Не нравится, господин бомбардир, – твёрдо ответил шестнадцатилетний капитан.

Пётр подошёл поближе к Троекурову.

– Отказать боярину – матушку обидеть. Значит, надобно тебя отдать отцу.

Федя молчал. Его загорелое лицо побледнело.

– Не изволь, государь, меня выдавать, – прошептал он. – Что мне в тереме-то делать? Я капитан!

– Тогда вот что... – Пётр ещё более приблизился к Феде: – Беги!

– Как бежать, господин бомбардир?

– Скройся, куда знаешь, чтоб я тебя не видал до праздника. А я тут боярина-то уломаю.

Авось сменит гнев на милость. Понял?

– Как не понять! Понял, господин бомбардир.

– Как сменишься с караула, чтоб я тебя больше не видал. Ступай!

И Пётр, посмеиваясь, вошёл в Капитанский дворец.

К вечеру капитан Фёдор Троекуров пропал. После обеда начали палить пушки. Густой дым пополз с поля и окутал дворец, и Генеральскую улицу, и другие улицы, на которых вытянулись линейками «ротные дома» потешного войска. Боярин сидел у себя, запахнув окна, и крестился на иконы. В густом дыму трудно было разыскивать пропавшего. Обыскали всё село, но капитана Фёдора и след простыл.

Вечером, когда солнце уже закатилось, беглый капитан пробрался огородами к реке Яузе и долго стоял на берегу, свесив голову.

Идти мостом он не мог, потому что на мосту стоял караул. Он помедлил немного, вздохнул и прошептал:

– К Лёшке пойду, в Измайлово! Эх, вода-то холодная!

Он взмахнул руками и отчаянно бросился в воду. Часовой на мосту крикнул: «Кто идёт?» – но никто ему не ответил.

Утром боярину доложили, что сына сыскать не могут и что царица приказала искать его в Измайлове.

2. Дела речные

В селе Измайлове, на Лыняном дворе, возле сарая, сидел светловолосый парнишка лет двенадцати и смотрел на небо.

По синему небу медленно шли крутые белые облака. Они выходили пышной стаей из-за крыши сарая.

Мальчик пел:

Из-за моря, моря синего,
Из-за глухоморья зелёного,
От славного города Веденца⁷,
От того-де царя ведь заморского
Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и один корабль...

Облака плыли куда-то на северо-запад, к далёким берегам, к далёким землям – туда, куда их гнал ветер.

Мальчик перевёл глаза на сарай, старый, тёмный, с покосившейся соломенной крышей. В тишине чуть слышно шелестели за тыном⁸ берёзы. Двор был пуст и заброшен. Когда-то здесь хозяйничали управители важного боярина Никиты Романова, но с тех пор прошло много лет, и в этот запущенный угол редко заглядывали люди.

В сарае громко закудаhtала курица. Затем раздался тихий стук: мальчик постучал пальцем в стенку. Вероятно, это был условный знак, потому что изнутри ответили стуком же. Потом тихий голос из сарая спросил:

– Никого не видать?

⁷ Веденец – старорусское название итальянского города Венеции.

⁸ Тын – забор.

– Никого... вылезай. Нет, стой! Идут!

Светловолосый мальчик мгновенно принял прежнее положение, поглядел на облака и запел:

Посмотрят казаки,
Они на море синее.
От того зелёного
От дуба кряковистого
Как бы бель забелелась –
Забелелися на кораблях
Паруса полотняные...

– Нишкни, ирод! – раздался резкий женский голос. – Я тебя зачем посадила? Хохлатку стеречь! А ты песни поёшь! Да и какие песни! За такую песню, олух, тебя в Москву да в царский застенок...

– Отчего, матушка? – спросил мальчик, равнодушно глядя на коренастую женщину со вздёрнутым широким носом, которая стояла перед ним, уперев в бока свои крупные загорелые кулаки.

– Оттого, что песня казацкая, вольная, её петь не велено.

– Да ведь это отцова песня!

– Молчи, ирод! Про отца-то своего поменьше рассказывай! Не ровён час, услышит кто...

С кем ты тут говорил?

– Ни с кем.

– Врёшь, ирод! Я сама слышала голос чужой. Кого ты прячешь?

– Да я никого, матушка...

Женщина рванула дверь сарая. Дверь с тяжёлым скрипом распахнулась. Внутри сарая, в темноте, снова закудахтала курица.

– Снеслась, ей-богу, снеслась! – с торжеством объявила женщина.

Она нырнула в темноту и через несколько минут появилась с большим белым яйцом на ладони.

– Уже давно снеслась, а ты сидишь, лодырь, песни поёшь! Да всё про корабли да про казаков... – Женщина боязливо оглянулась и перекрестилась. – Я из тебя отцову дурь-то повышибу! Не для того люди на суше родятся, чтоб по морям плавать. Рыба в воде, а человек да курица – на сухопутье. А кто на воде плавает, тому не сносить головы. От Москвы до моря год прошагаешь – не дойдёшь. Ты смотри у меня!..

Женщина погрозила мальчику кулаком и торопливо зашлёпала к дому.

В сарае послышался шорох, и прежний голос спросил:

– Лёшка, а Лёшка! Ушла?

– Ушла.

– Вылезать?

– Сиди. Нынче день беспокойный.

У Лёшки Бакеева была очень сердитая мать. В молодости была она замужем за понизовым казаком⁹, который прибежал в Москву с Волги после казни лихого атамана Стеньки Разина. Не сносить бы головы Бакееву-старшему, да никто его не знал в этих краях, и он правильно рассудил, что лучше податься в Москву, чем бродить по Волге, где его в конце концов схватили бы царские стражники. Так он и прожил свой век в Измайлове сторожем на заброшенном Льяном дворе; мастерил удочки, ловил рыбу в Измайловских прудах, старался

⁹ Понизовые казаки – казаки с низовьев Волги.

никому на глаза не попадаться, в церковь исповедоваться не ходил; а если его спрашивали, откуда он родом, то отвечал, что из Мурома. Да он и в самом деле был из Мурома.

От него Лёшка слышал множество песен и рассказов про синее море, про белогрудые паруса, про казачьи лодки, про то, как горел город Астрахань на Волге, как казаки уничтожили царский корабль «Орёл» и как славно они пировали. Весной, когда над Москвой шли с северо-востока низкие чёрные тучи, когда на Яузе начинал трещать лёд и ветер сотрясал соломенные кровли в Измайлове, у Лёшкиного отца начинался приступ тоски.

Он без конца говорил о том, как пройдёт лёд, как задует ветер, как пойдут с низовья караваны с солью и рыбой, с персидским шёлком и с бусами, а с севера повезут пеньку, полотно и лес; как дожидаются ветра тяжёлые суда на Москве-реке и Оке и как в затонах по ночам горят костры. Мать бранила отца, топала ногами, проклинала тот день, когда вышла за него замуж, упрашивала хотя бы невинное дитя пощадить и не рассказывать ему сказок про вольных молодцов да про дальние края. Когда Лёшке было семь лет, отец умер, а мать раз и навсегда запретила ему поминать отцовы сказки. Но Лёшка не забыл ни одного слова. Мальчик он был молчаливый и задумчивый. Часами сидел он на пустом дворе, глядел на облака, вдыхал полной грудью весенний ветер и запах сырого дерева от намокших после дождя брёвен.

Он тайно играл в казаков. Когда матери не было, он, размахивая самодельной саблей, брал приступом сарай и испускал боевой казачий клич: «Сарынь на кичку!»¹⁰ Затем он врывался в сарай, где испуганно кудахтали куры, и брал в плен хохлатку.

В глубине сарая стояло в пыли и мраке какое-то странное сооружение: это была лодка, но не такая, какие ходили по Москве-реке.

Лодка была узкая, длинная, с красивыми крутыми боками. На ней торчала, упираясь в стрехи¹¹ сарая, мачта. Рей¹² были обломаны, руль наполовину сгнил. На носу было когда-то выведено золотой краской название, но оно стёрлось. Остался только красно-зелёный нарисованный глаз, который, как казалось Лёшке, светился в темноте. На борту и на остатках рея любили сидеть куры. Лёшка сгонял их, но куры считали эту странную штуку в сарае своей собственностью, тотчас же садились снова и пачкали палубу.

– Кыш отсюда, хохлатые! – кричал на них Лёшка. – Куда вам, курам, на кораблях плавать! Вы и летать-то не умеете!

Куры быстро моргали, самодовольно глядя на Лёшку: смотри, дескать, какой у нас высокий насест, выше ничего на свете не бывает.

Лёшка взбирался на эту лодку и, прислонившись к мачте, командовал:

– Парус поднять! Смотри в оба – купец идёт! Пищали¹³ и сабли изготовь! Правее держи! Ещё правее! Спускай вёсла на воду! Выгребай сильнее, братцы, а то уйдёт! А ну за мной!

И Лёшка бросался в бой. Но тут мать приходила к курам, и Лёшке приходилось уходить на двор. Он садился на кучу брёвен и пел вполголоса, глядя на небо.

Так и сейчас. Только мать ушла и Лёшка замурлыкал вполголоса ту же песню, как вдруг перед ним выросли два человека.

Один из них был высокий юноша в зелёном кафтане. На шее у него был повязан белый шарфик, на ногах были сапоги выше колен. За ним с трудом поспевал тучный иностранец с толстым, гладко выбритым лицом.

У иностранца на полных ногах были белые чулки и туфли с пряжками. На голове у него торчала плоская круглая шляпа, словно не надетая, а поставленная на голову.

– Ты кто? – спросил юноша, подбегая к Лёшке стремительной, прыгающей походкой.

¹⁰ «Сарынь на кичку!» – боевой клич волжских разбойников: приказ команде атакуемого судна бросить оружие и бежать на нос («кичку»), чтобы не мешать захвату корабля.

¹¹ Стреха – старинное название перекладки, поддерживающей кровлю избы.

¹² Рей – поперечное дерево у мачты, которое служит для крепления прямых парусов.

¹³ Пищаль – длинное тяжёлое ружьё.

– Я сторожев сын, – сказал Лёшка, низко кланяясь странно одетому юноше.

– Звать как?

– Лёшка.

– Ты что пел?

Лёшка покраснел до корней волос.

– Это песня мореходная, – сказал он. – Это про ладьи.

– Я слышал, что мореходная. «Забелелися на кораблях паруса полотняные...» – а дальше как?

Лёшка поглядел на юношу исподлобья. Юноша смотрел не строго. Губы у него сложились в усмешку. Живые чёрные глаза смеялись.

– Ну что ты молчишь? Не бойся.

– Матушка не позволила таковы песни петь.

– А я позволяю.

Лёшка вздохнул:

– Дальше так поётся: «А не ярые гагали¹⁴ на сине море выплыли – выгребали тут казаки среди моря синего...»

– Казаки?

– Мейнгер¹⁵ Питер, – резко сказал иностранец, – не слушайте эту песню: это воровская песня!

– Отстань, мейнгер! Разве казаки и по морям плавали?

– Ещё как! – гордо сказал Лёшка. – По синему морю Хвалынскому¹⁶ да к дальнему персиянскому берегу¹⁷...

– Откуда знаешь?

– Слышал, – многозначительно отвечал Лёшка.

– А дальше? Песня-то как дальше поётся?

– Дальше забыл, – сознался Лёшка.

– Эх ты, певец! А что за сарай?

– Боярина Никиты Ивановича покойного...

– А что там?

– А там хлам всякий.

Куры закудахтали в сарае.

– Курятник, что ли?

– Пойдёмте, мейнгер Питер! – сердито сказал иностранец. – Тут нет ничего примечательного.

Юноша повелительным жестом указал на сарай:

– Открой!

– Не указано открывать, – пробормотал Лёшка, боязливо оглядываясь.

– Кем не указано?

– Царёвы люди не велят.

– А я велю. Ну!

Юноша нахмурил брови. Видя, что Лёшка колеблется, он подбежал к двери и распахнул её. Куры испуганно закудахтали.

– Что это? Что за лодка? Мастер Тиммерман, погляди-ка!

Тиммерман подошёл поближе, посмотрел и произнёс не торопясь:

¹⁴ Ярые гагали (гаги) – белые морские утки (устар.).

¹⁵ Мейнгер – господин (голл.).

¹⁶ Хвалынское море – древнерусское название Кас-пийского моря.

¹⁷ Персиянский берег, Персия – ныне Иран.

– Это есть бот.

Юноша схватил Тиммермана за руку и почти силой втопил его в сарай.

– Какой бот? Зачем?

– Ходить по воде, – отвечал Тиммерман, брезгливо стяхивая с туфель солому и куриный помёт.

– Это я и без тебя знаю. А зачем у него мачта?

– Ходит под парусами, – сказал Тиммерман, – и не только по ветру, но и против ветра.

– Как – против ветра? Врёшь ты, мейнгер! Такого не бывает.

– Не прямо против ветра, – сказал Тиммерман, обиженно надувая толстые щёки и шею, – а вот так...

И он показал рукой, как лавирует бот.

Юноша легко вскочил на борт и потрогал мачту.

– Хороша ладья! – сказал он.

Лёшка стоял в стороне и с опаской поглядывал на кучу рогожи, лежавшую на корме бота. Тиммерман угрюмо смотрел на судёнышко.

– Бот старый, гнилой, – пробурчал он, – плавать на нём нельзя, он утонет. Пусть уж лучше останется в сарае.

– Починить можно! – весело отозвался юноша. – А что там, на корме?

Юноша шагнул в бот. Послышалось его удивлённое восклицание, и он вылез, держа за шиворот какого-то мальчика в грязном потешном мундире. Этот мальчик оказался капитаном Фёдором Троекуровым.

Юноша расхохотался:

– Вот ты где прячешься, Фёдор! А тебя по всему Измайлову царицыны люди ищут. Хитрец!

– По вашей воле, господин бомбардир, – мрачно проговорил Фёдор.

– Кто же тебя кормит?

– А вон парень, Лёшка Бакеев, сторожев сын. Такого страха я набрался, сил нет. Приходили сюда стремянные¹⁸, весь сарай обшарили. А я в лодку спрятался. С тех пор в ней и сижу.

– Отец твой упрям, как колода, – сказал юноша-бомбардир, – вынь да положи ему сынка! Он до того меня доведёт, что я его прогоню. Ну что ж, сиди!

Он повернулся к Лёшке:

– Эй, поди сюда, парень! Тебе зачем бот нужен? Ты на нём плаваешь, что ли?

– Я на нём играю...

– Во что же ты играешь?

Лёшка хотел сказать: «в казаков», но, поглядев на Тиммермана, сдержался.

– В море.

Юноша расхохотался звонко и искренне.

– Так ты мореход?

Лёшка смотрел на его смеющееся лицо и растрёпанные ветром длинные волосы. Этот бомбардир с каждой минутой всё больше ему нравился.

– А что ж? – неожиданно сказал Лёшка. – Ежели починить ладью да на воду спустить – вот-то поплывём!

– Кто же поплывёт?

– Да мы с тобой, бомбардир!

Высокий юноша снова расхохотался. Смех его звучал всё задорнее.

– Разве ты умеешь плавать?

– Ну, я-то, положим, не очень, – признался Лёшка, – а отец мой по морю Каспию ходил, а дед, бают, и до самого города Веденца добирался, что на воде стоит...

– Где твой отец? Приведи его ко мне!

– Ан нет его, помер, – отвечал Лёшка.

Высокий юноша несколько минут сосредоточенно поглядывал то на бота, то на Лёшку.

– А ведь правда твоя, парень, – промолвил он вдруг. – Мейнгер, велика бота вытащить на Язу.

– Нельзя! – сердито ответил Тиммерман. – Он повреждён. Его надобно умеючи починить, поставить новую мачту, потом натянуть снасти и паруса.

– Нет ли поблизости человека такого, который умел бы скоро всё это сделать?

Тиммерман сдвинул шляпу на затылок.

– Есть.

– И ход покажет?

– Покажет.

– Кто таков?

– Карстен Брандт, старик, служил пушкарём на российском корабле «Орёл» под командой капитана Бутлера. Ходил в Астрахань.

– А нынче чем занят?

– Плотничьими поделками.

– Приведи его ко мне!

Юноша повернулся к Лёшке:

¹⁸ Стремянные – стрельцы, сопровождающие царя во время поездок, царская стража.

– А ты оставайся, сторожи Фёдора. Придёт время – возьму тебя вместе с ботом. Моё слово верное. Доволен?

Лёшка не отвечал. Юноша потрепал его за вихор и обернулся к голландцу:

– Гей-гей, за мной, мейнгер! Дело есть!

И он побежал прыгающей походкой так быстро, что тучный Тиммерман едва поспевал за ним.

Когда бомбардир ушёл, Лёшка подбежал к Фёдору и спросил у него шёпотом:

– А он не расскажет?

– Кому?

– «Кому»! Царицыным людям!

– Нет, не расскажет. Он не таков.

– Кто он? Небось боярский сын?

– Нет, это сам царь Пётр, – торопливо сказал Троекуров. – Скорее запирай ворота! Я слышу – опять кого-то несёт!

Это была Лёшкина мать. Она накинулась на Лёшку, который в ошеломлении глядел вслед юноше-бомбардиру.

– Ты с кем тут говорил?

– Я... я ни с кем. Тут не было никого.

– Ан нет, я двоих видела! Оба в заморском платье. У меня, чай, не на спине глаза. Что-то здесь неладное творится, у нас в сарае! Ну, погоди маленько, уж я тебя! Дай срок!

Мать погрозила Лёшке своим могучим кулаком и скрылась за домом.

Лёшка сразу почувствовал недоброе, но удержать мать был не в силах. Он тщательно запер дверь сарая и пошёл к пруду, опустив голову. А беглый капитан Троекуров сидел в темноте, подперев лицо обеими руками, и слушал, как куры кудахчут над его головой.

На следующее утро пришли два молодца в кафтанах и шапках, шитых золотом. У одного была бородка русая, у другого – тёмная. Тот, который был потемнее, держал в руке большую алебарду¹⁹.

– Сторожиха ты? – спросил он Лёшкину мать.

– Я, батюшка...

– Намедни ты приходила с жалобой?

– Я, батюшка...

– Ну вот, приказано у вас на Льяном дворе караул держать нам с Андрюшкой, так что неси что в печи есть! Вино есть?

– Да я, батюшка...

– Неси-неси – а то я тебя!

Лёшкина мать поохала, поторговалась и вынесла стражникам ушат пива и кадушку солёной рыбы. Они закусили, оглянулись и, заметив Лёшку, замахали ему руками.

– Матушка-то твоя на свою голову назвала! Теперь пуцай стонет. Огоньку нет ли? Поди принеси.

Лёшка принёс кусок каната, зажжённый у очага. Тот, что потемнее, достал из-за пазухи длинную тростниковую трубку, воровато оглянулся и закурил, смахивая дым ладонью.

– Не проведали бы во дворце, Матюха! – сказал ему его товарищ. – Грех велик, за табак кнутом бьют.

– Ничего, парнишка не скажет... Эй, парень, молчать будешь?

– Буду, – ответил Лёшка. – А вы зачем пришли?

Стражник затянулся и сказал важно:

¹⁹ Алебарда – оружие в виде фигурного топорика на длинном древке, оканчивающемся копьём.

– Приказано нам сторожить, не объявится ли где беглый боярский сын Фёдор Троекуров. Старуха-то твоя, шило ей в бок, говорила намеренно, что, дескать, по Льяному двору ходят чужие люди, так мы...

– Матюха, – сказал тот, что посветлей, – а не сыскать ли в сарае?

– Сыскано, – сказал Лёшка, с трудом глотая слюну, – да ничего не нашли.

– А может, сыскать?

– Ищите, – сказал Лёшка, набравшись отчаянной храбрости. – Только там неладно.

– А что?

– Кто-то по ночам стучит...

Стражники переглянулись. Тот, что посветлее, перекрестился.

– Кто же это?

– Не знаю. А только стучит.

– Тьфу! – сказал тот, что потемнее. – Ну и пушай стучит. Нам велели сторожить, а не искать. Нечистая сила, тьфу! Поди, парень, к матери, скажи, что пива мало. А ежели не даст, то мы ей всю печь разворотим.

Лёшка обежал кругом сарая, нашёл щёлочку, постучал и шёпотом сказал беглецу, чтобы он выбирался поскорее через дыру, где доска поотстала, и бежал в лес. Но, к его удивлению, Фёдор устало ответил, что он никуда не пойдёт и останется в ботике хоть до зимы.

– Тут и буду сидеть, – сказал Фёдор. – Пропаду, а никуда больше не пойду! А водицы принеси испить.

Но недолго пришлось Фёдору сидеть, а молодцам сторожить. К полудню раздался звук барабана, и на Льяной двор вошла целая рота преображенцев в форменных кафтанах. Впереди шёл офицер. Он показал молодцам приказ, свёрнутый в трубочку:

– Генерал князь Ромодановский приказал взять из сарая лодку и до Яузы дотащить.

Молодцы читать не умели, а Ромодановского боялись. Но всё-таки уйти они не решились и остались сидеть на брёвнах, хмуро поглядывая на солдат.

С солдатами пришёл крупный, старый, осанистый голландец с белой подстриженной бородой и розовым лицом. При нём был помощник, молодой человек лет двадцати пяти. Оба шли важно, опираясь на суковатые палки. Старший был Карстен Брандт, пушкарь и матрос, строивший двадцать лет назад корабль «Орёл» на Оке.

Много приключений пришлось пережить старику.

Он плавал по Волге, видел, как горел построенный им корабль, бежал из Астрахани на лодочке, скитался по Кавказу и Персии и наконец с трудом добрался до моря, откуда голландский корабль доставил его на родину. Но скучно было ему на родине. Он бросил всё и вернулся в холодную страну московитов, в страну, которая стала для него второй родиной, без которой он жить не мог.

Брандт осмотрел ботик снаружи. Он ощупал обшивку, постучал палкой по палубе, по основанию мачты, по лопасти руля. Потом вздохнул и сказал:

– Знатный был когда-то бот. Починить его можно. Такое дерево столетиями живёт. Кто знает, может быть, и триста, и четыреста лет проживёт. Хорошо бы днище обшить медью, как теперь делают, а, Корт?

Его помощник, Корт, подтвердил, что это было бы даже слишком хорошо.

На дворе закипела работа. Солдаты натащили брёвен, положили их вдоль пути до Яузы и взялись за бот.

Впервые за много лет корабль увидел солнце. Под крики работающих он выпрямился, как человек, встающий с кровати после долгой болезни, и торжественно, чуть покачиваясь, выплыл на лужайку.

Мачта на нём была сломана, сгнившие верёвки висели по бортам, от реев остались жалкие обломки, краска слезла, петли руля покрылись ржавчиной, но всё-таки бот был красив.

Длинный, с чёткими, плавно очерченными боками, весь устремлённый вперёд, он шёл на канатах по брёвнам, над ярко-зелёной травой, гордо рассекая воздух, как будто дышал полной грудью. Старик Брандт глядел на него, прищутив глаза и склонив голову набок.

– Такому кораблю славных капитанов носить, – сказал он задумчиво. – Но, может быть, Питер и будет славным капитаном... Как вы думаете, Корт?

Корт подтвердил, что царь Пётр удивительно умный, храбрый и предприимчивый юноша, хотя и не родился у моря.

– Ну что ж, – сказал Брандт, – пусть хотя бы познакомится с кораблём. Кто знает, что ждёт его в будущем.

Бот перетащили к Язуе и поставили под навес. Вокруг него собралась ватага мальчишек. Ребята шести – восьми лет стояли, засунув пальцы в рот, и глазели на царскую лодку. Кто-то предположил, что потешные ночью сядут на этот корабль и поплывут на нём до самого моря. Говорили, что сам царь собирается вести их в дальний поход и что вернутся они лет через десять, не раньше, если не утонут.

Лёшка Бакеев стоял поодаль. Им снова овладело беспокойство: Фёдор куда-то исчез, в сарае его не было. Убежать он не мог, ведь на дворе его заметили бы стражники. Лёшка несколько раз бегал от Язуы к Льяному двору и обратно. Никаких следов Фёдора не было.

Начинало уже вечереть. Возле бота никого не осталось. Вдруг Лёшка услышал шорох, и знакомый голос произнёс:

– Лёша, принеси что-нибудь поесть! У меня в брюхе урчит.

Это был Фёдор. Он вылез из бота, вздохнул и расправил плечи.

– Как ты сюда попал?

– Я внутри сидел. Меня вместе с ботом вынесли из сарая.

– Что же ты не убежал?

– А куда мне бежать? – лениво сказал Фёдор. – На дворе стражники – не убежишь никуда. Я сидел в лодке, меня и вытащили. Голландский мастер меня заметил, да он, наверно, знает про меня. Поглядел, засмеялся и ничего не сказал. Стало быть, я теперь тут и останусь, под рогожей-то...

– А ты беги обратно, в сарай!

– Никуда я не пойду, – сказал Фёдор. – Меня из этого сарая, как карася, выловят. А вокруг лодки будет потешный караул. Ещё и кормить будут. Эх, принеси, братец, поесть да почешу промеж лопаток, а то спина с утра зудит! Ну, тяжела жизнь у мореходных людей!

Так начал свою морскую жизнь капитан Фёдор Троекуров.

На следующий день строители взялись за бот. Навес окружили забором. Оттуда целый день доносились туканье топоров и визг пилы. Вокруг забора стояли потешные караулы и никого туда не пускали.

В конце недели забор разобрали. Бот преобразился: он был вычищен, подкрашен; руль был прилажен новый; спереди торчал бушприт²⁰; палуба сияла свежими, новыми досками; над ботом высилась новая мачта. Парусов и верёвок ещё не было.

Брандт стоял возле бота с засученными рукавами, с глиняной трубкой в руках.

– Эй, мальчик! – крикнул он Лёшке Бакееву. – Это не ты ли сторожил сарай на Льяном дворе?

– Я, – застенчиво сказал Лёшка.

– Подойди поближе. Сегодня будем бот спускать на воду. Хочешь нам помогать?

Лёшка боязливо оглянулся.

– Чего боишься? Воды?

– Нет, – ответил Лёшка, – я воды не боюсь, а боюсь матушки.

²⁰ Бушприт – горизонтальное или наклонное бревно, выдающееся с носа корабля.

Брандт улыбнулся:

– Ничего, мальчик, мать не забранит. Её царь Питер живо успокоит. Ему нужны люди. Тут уже один моряк есть. Только он моряк по несчастью и, кажется, к воде не привык. Ступай к нам. Для начала принеси канат. Не бойся, я тебя не съем.

Таким образом Лёшка оказался в подмастерьях у корабельного мастера. Брандт был человек строгий, он не любил лодырей, но за хорошую работу хвалил и даже подарил Лёшке картинку, на которой красками был нарисован корабль «Орёл», построенный когда-то на Оке. А плавать по-матросски и нырять на самое дно реки Лёшку научил ещё покойный отец. К тому дню, когда бот был под салют потешного караула спущен на Яuzu, Лёшка стал уже заправским моряком. Он знал все названия частей корабля и гордо говорил: «У нас на борту». Мальчишки смотрели на него с уважением. Мать ругала сына и предсказывала дурную судьбу за то, что связался с мореходами, людьми тёмными и безбожными.

Фёдор Троекуров работал мало. Он больше прятался и с нетерпением ждал указа выходить на волю. Но Пётр был занят.

Привезли две новые пушки, и с Потешного поля по целым дням доносились гулкие удары и тянулся дым.

Наконец починку закончили. Бот был выкрашен красной краской. Вдоль борта протянулась нарядная кайма из белых, красных и синих треугольников. На ней золотом сияло название: «Святой Пётр», а на носу был зеленою нарисован человеческий глаз.

Художники-резчики больше всего потрудились над кормой. Здесь помещалась вырезанная из дерева картина: старик в белой одежде и красной шапке, около него дом, а вдали судно, идущее под парусом.

Лёшка учился тянуть верёвку и поднимать парус. Однажды к вечеру Брандт пришёл из Преображенского весёлый и сказал, что утром Пётр будет осматривать бот, а затем бот поплывёт по Яuzu.

– А тебе, Фёдор, завтра будет свобода, – прибавил он. – Кажется, отец твой сменил гнев на милость и разрешил тебе остаться здесь.

Утром на берегу постлали ковёр и поставили кресла для почётных гостей. Когда солнце поднялось, забили барабаны и заиграли трубы. Потешные роты выстроились на берегу. Под звуки музыки явился Пётр, в новом кафтане, с золотой шпагой на красной перевязи. За ним следовали генерал Ромодановский в парадной форме и боярин Стрешнев. Со стрелецким караулом приехал и боярин Троекуров. Они заняли кресла на берегу.

Лёшка был на своём месте, у паруса. Корт стоял с топором, готовый обрубить канат. Брандт поднял вверх пивную кружку и провозгласил тост за здоровье его царского величества и за благополучное плавание. Он осушил кружку залпом и бросил её за борт. Пётр подал знак, и под гром пушек ботик отвалил от пристани.

Он медленно плыл по Яuzu, мимо берегов, заросших густым раkitником. На берегах толпились дворцовые слуги без шапок и смотрели, как бот, спустившись немного по реке, повернул и, лавируя, пошёл обратно.

Пётр стоял на берегу. Глаза его сияли. Когда бот прошёл мимо пристани, он замахал Брандту шляпой. Пётр был так увлечён, что не обратил никакого внимания на боярина Троекурова, который что-то ему говорил, кланяясь и указывая на бот.

Боярин указывал на Фёдора. Беглый потешный капитан не выдержал заточения, вылез на палубу и сразу был замечен отцом.

– Сюда, мейнгер! – кричал Пётр. – Причаливай! Я сам с тобой поеду.

– Государь, – сказал Стрешнев, – негоже царю по воде ходить, не было такого на Руси.

– Как не было? – ответил Пётр. – Не вы ли с Никитой Зотовым рассказывали мне про великого князя Олега, как он под самый Царьград²¹ ходил? Не мешай, Тихон!.. Сюда, мейнгер! Причаливай!

Брандт причалил. Пётр прыгнул в бот и стал возле корабельного мастера. Брандт снова пошёл вверх по реке. Пётр бросил шляпу на дно лодки и взялся за верёвки.

– Оставьте парус помощникам, мейнгер Питер, – сказал старик, – и станьте лучше возле руля. Вот так!

Пётр взялся за руль и стал направлять бот. Лодка быстро и бесшумно понеслась вверх по течению.

– Вот это мне любо! – сказал Пётр, глядя на мелькающие зелёные кусты на берегах. – Так бы век ездить! А теперь повернём.

Бот свернул налево, но поворот был слишком крут, и юный рулевой не рассчитал. Раздался скрип, и дно бота зачертило по песку. Судно вздрогнуло и остановилось.

– Так, – сказал Брандт и вынул изо рта трубку. – Сели на мель. А ну-ка, Корт, попробуй шестом.

Но Пётр выхватил шест из рук помощника и, налегая на него со всей силой, попытался снять лодку с песка. Бот качался, но не сходил.

– Бакеев, лезь в воду, – сказал Брандт. – Хорошо бы, если бы боярский сын тоже не сидел без дела. На корабле лишних людей не любят.

Фёдор молчал. Он боялся воды. Даже мыться он был не великий охотник.

– Эх ты, курица! – сказал Пётр. – Стой, я полезу.

Он было начал раздеваться, но Брандт жестом остановил его. Фёдор снял сапоги, засучил штаны выше колен и спрыгнул за борт.

– Навались! – кричал Пётр. – Ещё навались! Сходит!

²¹ Царьград (Константинополь) – столица Византийской империи, ныне город Стамбул в Турции.

Бот шуршал по песку. Наконец он качнулся, ушёл немного носом книзу и вдруг вольно всплыл, словно обрадовался свободе. Мальчики полезли обратно в лодку. Лёшка так ретиво выскочил из реки, что плеснул водой на Петра. Пётр рассмеялся. На его возбуждённом смуглом лице высохли капли.

– Отчего это случилось? – спросил он.

– Река мелка, узко, – ответил Брандт.

– Где бы пошире?

– Можно на Просяном пруду, в Измайлове. Там пошире.

– А где ещё пошире?

Брандт наморщил лоб и думал долго.

Вдруг раздался голос Лёшки:

– Господин бомбардир, дозвожь сказать...

– Говори, – сказал Пётр, глядя на него с нетерпением.

– Сказывают, на Плещеевом озере воды много.

– А где оно?

– Отсюда вёрст за сто с лишком, за Троице-Сергиевым монастырём, под городом Переяславлем.

– А ты там бывал?

– Сам-то не бывал, а отец ходил.

– Да кто твой отец? Рыболов, что ли?

Лёшка хотел было сказать: «Вольный казак-мореход», но сдержался.

– Отец сказывал, что на Плещеевом озере бури бывают, а другого берега и вовсе не видать. А живут там рыбаки, народ водяной. А раньше жили там старинные люди меря, и от них могилы большие остались.

Пётр посмотрел на голландца. Тот одобрительно кивнул головой.

– А не потонет бот?

– Нет, ваше величество! – усмехнулся Брандт. – Он и на море не потонет, если на нём будет хороший моряк.

Пётр задумался. Бот снова приближался к пристани. Фёдор смотрел на берег с беспокойством – там не было его отца.

Брандт причалил. Пётр вышел на берег.

– До чего любо! Тихон, на воде лучше, чем на земле! – воскликнул он. – Теперь я на воде жить буду, как водяная птица.

– Государь, – сказал Ромодановский с поклоном, – боярин Троекуров во гневе, что сына на лодке увидел, все свои прощённые слова обратно взял и побежал к государыне царице челом бить.

Пётр нахмурился:

– Ишь неумный старик! Кабы не матушка, выгнал бы его взашей из Преображенского... Фёдор!

– Я, государь!

– Иди в Капитанский дворец. Будешь по морскому делу обучаться. И ты, Бакеев. Прикажи, господин генерал, взять его сержантом в потешное войско и выдать ему кафтан форменный и штаны алые. А должность его будет для водяной игры – сторожить бот, доколе цел будет. Прощай, мейнгер!..

Вечером Пётр, стоя у открытого окна, рассеянно прислушивался к мерно звучащему голосу Тихона Стрешнева.

– И ещё в молодых годах слышал я, как киевского великого князя дружинники на ладьях ходили в Тмутаракань²² и далее по всему морю...

– По какому морю, Тихон?

– Русское море, а нынче зовут его Чёрным.

– Это где нынче турки засели?

Стрешнев утвердительно кивнул бородой.

– Ещё слышал, государь, – продолжал он, – как князя Олега ладьи ходили и по Волге до моря Хвалынского, а оттуда по морю и до далёких мест, где горы высоки. А за горами, бают, земля на нашу вовсе не похожа: живёт там цапля с красным клювом, а из-под земли бьёт вечный огонь...

– А ладьи какие были?

– Что, государь?

– Спрашиваю, ладьи какие были? Кто строил? И как?

– Не слышал, государь...

– Какое им название? Шитики? Карбасы? Бусы?

– Как мне знать, государь? Я, слава Создателю, по морям не плавал... А дозволь спросить: откуда тебе такие мудрёные слова ведомы?

Пётр пожал плечами и не ответил. Слова эти слышал он от потешных Преображенского полка, а те в свою очередь слышали их от отцов, дедов, слуг и родичей, из которых многие ходили и по рекам, и по морям. Но никто не мог рассказать Петру в подробностях про эти корабли.

Он поглядел в окно на пышные белые облака, плывущие по синей небесной глади, и ему показалось, что это русские корабли, что плывут они под парусами по старому дедовскому пути – через Русское море, вокруг зелёного горбатого мыса, похожего на медведя, погрузившего свою морду в воду...

Слышал он от потешных, конюших и дворцовых слуг ещё про море северное, серое, свирепое, про разноцветные сполохи, что в небе играют, про большие русские корабли, называемые «кóчами», идущие к дальнему ледяному острову Груманту²³...

Стрешнев поспешно встал. Дверь раскрылась, и в комнату вошёл дядя Петра – Лев Кириллович Нарышкин.

– Государыня сюда жалуется, – сказал он.

– Уйди, Тихон, – проговорил Пётр и обернулся лицом к двери.

Вошла Наталья Кирилловна. Она подошла к Петру и положила ему руки на плечи.

– Петруша, – заговорила она жалобно, – что это ты придумал – по речке плавать! Того и гляди, утонешь!

– Не утону, мать, – сказал Пётр. – От смелого и смерть бежит.

– Завёл себе потеху водяную, бог с ней! А зачем других за собой таскаешь? Тебе вольная воля, а боярин Троекуров обиделся. Уж он было сына своего простил, да как увидел его на лодке-то, тут опять рассердился. «Откажусь, – говорит, – от своего сына, не надобен мне такой сын, порченный!»

– Ох, мать... – вздохнул Пётр. – Надоел мне твой боярин! Не человек, а пузырь с бородой. Да пускай едет обратно в Москву.

– Нельзя, Петруша, – твёрдо сказала царица, – он человек нужный, он наш человек. Сестрица-то твоя, Софья, в Москве сидит не без дела: она всё против нас злые козни строит. Не знаешь ты разве? Уж и на тебя наговоры были, чтоб тебя извести ядом или ножом, чтоб ей самой царством править. А боярин Троекуров – человек важный, у него под рукой всё стре-

²² Тмутаракань – древнерусский город X–XII вв. на Таманском полуострове.

²³ Грумант – поморское название острова Шпицберген.

лецкое войско. Стало быть, ежели он своё войско к нам пошлёт, быть нам целыми. А ежели он на ихнюю сторону перекинется, кто нас защитит?

– Кто? – ретиво сказал Пётр. – Мои солдаты – вот кто!

– Ребята-то?

– Для кого ребята, а для меня настоящее войско. Чай, не хуже стрельцов будут. Да и стрельцы-то не все на Софьиной стороне. Есть такие, что и за нас стоят. Не бойся, мать, я тебя в обиду не дам. Вот нынче флот нужен...

– Какой такой флот?

– Какой флот бывает – корабли...

– Господь с тобой, Пётр! Зачем тебе корабли?

– Зачем корабли? Чтоб воевать!

– С кем воевать, Пётр?

– С врагами державы нашей, матушка. Коли Софьины люди против меня поход замыслят, я им пушки под самые окна подведу.

– Ох, Петруша, это забава твоя!

– Нет, мать, увидишь, что не забава. Отпусти меня пожить в Переяславле!

– В каком Переяславле?

– Что на Плещеевом озере, верстах в сотне отсюда.

Наталья Кирилловна всплеснула руками:

– Куда я тебя в такую дальнюю дорогу отпущу? Ведь тебя изведут враги!

– Ничего, мать, я уж не мал, справлюсь. Я хочу строить корабли. Я плавать хочу.

– Сохрани Господи, утонешь! И что тебе в голову приходит! Полно, перестань! Это всё твои голландцы наводят тебя на такие страсти! Не доживёшь ты с ними до добра.

Пётр нахмурился.

– Не знаю, мать, кто меня ославил, что я голландский ученик? – проговорил он сердито. – Точно деды мои по морям не ходили?

Дядя Лев Кириллович покачал головой:

– Не вижу толку в лодочке этой...

– Лодочка – начало, – сказал Пётр. – Дайте срок – не такое увидите. А ты, мать, не горюй...

Пётр обнял мать. Роста он был высокого, и Наталья Кирилловна приходилась ему головой по плечо, хотя и сама она была не маленькая.

– Пусти, задавишь! – с трудом проговорила она смеясь. – Прямо как медведь навалился. Ну куда я тебя пушу, дитятко? Ты ещё мальчишка совсем...

– Нет, матушка, я умру с тоски, коли не пустишь.

Наталья Кирилловна вздохнула:

– Подожди хоть именин своих... Да отстань ты от меня, Петрушка, не целуй! Всё равно до именин не пушу никак!

– А после?

– А после так и быть, поезжай.

Пётр стал целовать мать и едва не задушил её.

– И Тиммермана возьму, – говорил он, – и Голицына Борю возьму, и старика Брандта. Из потешных – Якимку Воронина, да Лёшку Бакеева, да Федьку Троекурова... да плотников, да мостильщиков... Созову мастеров корабельных со всей Руси! Построим корабли настоящие. Вот-то будет флот!

3. Дела озёрные

Дорога от Троице-Сергиева монастыря к Переяславлю на протяжении шестидесяти трёх вёрст пролегает по холмам, по долинам, между зелёными рощами и широкими полями. Не доезжая вёрст пяти до озера, от каменного креста, который стоит на вершине горы, открывается сам город Переяславль-Залесский. Купола старинного собора и нескольких монастырей собрались на берегу озера. Налево тихо движутся широкие воды, сверкает серебряной нитью горизонт, носятся над простором стаи белых чаек с розовыми клювами и лапками, ветер шумит в рощах и доносит далёкий колокольный перезвон.

Здесь, возле горы Гремяч, в июле 1688 года застучали первые топоры. Строились новые корабли – фрегат и две яхты.

По ночам на берегу горели костры. Лёшка Бакеев варил в котелке уху из знаменитой жирной переяславской селёдки. Отблеск костра падал на загорелое лицо Фёдора Троекурова. Фёдор был грустен. Нынче днём Пётр подозвал его и сказал, что боярин Троекуров приехал в Троице-Сергиев монастырь и бил челом самому Петру, чтоб Фёдора отпустили, а то он, боярин, откажется от сына.

– Не могу я больше тебя укрывать, Фёдор, – сказал Пётр. – Рассуди сам: боярина обижать нельзя. Ежели я тебя укрою, то он в Москву бросится, к моей сестрице в ноги. Скажет, что мы тебя украли. Поезжай с отцом – авось простит. Послезавтра приедет он за тобой. Он нынче в монастыре гостит.

Фёдор повесил голову. За последнее время, живя под открытым небом, он огрубел и возмужал. Жизнь на воздухе, возле воды и зелени, ловля рыбы в озере, работа с топором и пилой – всё это ему нравилось.

Сам Пётр трудился неустанно.

Он ходил по берегу с топором, без кафтана, с засученными рукавами; ночевал у костров, давал приказы насчёт заготовок леса, досок, гвоздей и скобок, верёвок и парусины. За ним следом ходил черноволосый, быстроглазый, подвижной Яким Воронин с записной книгой в

руках, а за Ворониным ходил мальчик с чернильницей и пером. Старик Брандт словно помолодел. Его густой голос целый день раздавался на берегу, возле речки Трубеж, где росли навесы и помосты для постройки будущих кораблей.

На нём был фартук, в руках он держал деревянный аршин²⁴. Голова была непокрыта, глаза светились из-под седых бровей.

Рядом с Брандтом постоянно можно было увидеть его ровесника Алексея Буршина, рослого человека со свежим весёлым лицом и окладистой седоватой бородой. Это был умелый корабельный мастер, родом из-под Новгорода. Он тоже был в фартуке и в холщовой рубахе, открывавшей могучую волосатую грудь. В отличие от Брандта, который временами присаживался отдохнуть, Буршин весь день проводил на ногах. Не было среди строителей другого такого знатока, как Буршин: он и чертежи сам рисовал, и рули вытёсывал, и мачты ставил, и парусное дело знал.

– Трудно описать вам, государь, какая удача для вас этот Буршин, – говорил Петру Брандт. – Ведь у него все родичи строили корабли не хуже наших. Вся ихняя порода, можно сказать, пропиталась морской солью... Люблю, мейнгер Питер, корабельных людей!

²⁴ Аршин – здесь: линейка, длиной в аршин – 0,711 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.